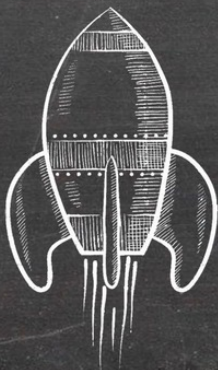


АЛЕКСЕЙ
ХОМА



НОВЫЙ ДОМ

Алексей Хома

НОВЫЙ ДОМ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43017679

ISBN 9785005002402

Аннотация

Новый Дом – первая полноценная работа Алексея Хома, она повествует о колонизаторской экспедиции людей в дальний космос с надеждой обрести новую Землю. Во время полета экипаж сталкивается с психологическими проблемами, трудностями взаимоотношений и любовными перипетиями, от решения которых зависит исход их путешествия. Смогут ли они найти свой Новый Дом? Справятся ли они друг с другом?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	31
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Новый Дом

Алексей Хома

*Life, a sacred gift from your mother
Life, what are you giving her back?
Annisokay. Sea of Trees*

*It's like there's cancer in my blood,
It's like there's water in my lungs,
And I can't take another step
Please tell me I am not undone.
The Amity Affliction. Pittsburgh*

Люди в общем придают слишком много значения словам. Им кажется, будто слова всегда чрезвычайно действенны. На самом деле слова обычно обладают весьма слабой убедительностью. Они лишь смутно передают те глубокие, бурные чувства и желания, которые за ними скрыты. И сердце прислушивается только тогда, когда ему перестает мешать язык.

Теодор Драйзер. Сестра Керри

Любить – значит «не могу без тебя быть», «мне тяжело без тебя», «везде скучно, где не ты».

Это внешнее описание, но самое точное.

Любовь – вовсе не огонь (часто определяют), любовь – воздух. Без неё нет дыхания, а при ней

дышится легко. Вот и всё.

Василий Розанов. Опавшие листья

© Алексей Хома, 2019

ISBN 978-5-0050-0240-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Одиночество

1

3007 год. «Демократия-5».

Тонкие пальчики уверенно стучали по выпуклым кнопкам клавиатуры, набирая на широком мониторе причудливые слова, сплетая их с разнородными символами и будто бы случайными цифрами в огромные предложения. Строки заполнялись иной раз пробелами, другой – длиннющей последовательностью из тысячи знаков. Местами написанное было выделено другим – относительно основного текста – цветом, и в специально отведенном поле к «подсвеченным» фрагментам девушка добавляла соответствующие комментарии и уточнения, которые в дальнейшем должны были помочь как ей самой, так и ее товарищам.

Молодая девушка сидела слегка сгорбившись. Очки на ее переносице часто скатывались с носа, так что каждые две минуты уже на автомате она поправляла их указательным пальчиком и вновь продолжала набирать объемные тексты. Вся ее фигура была неподвижна в этот момент творчества, и лишь руки плавно скользили по шершавым клавишам. Словно робот без нужды в пище и дыхании, она сидела пе-

ред монитором часами, пока кто-нибудь ее не отвлекал.

Еще в школе она испытывала особый интерес к технике, к принципам ее работы. Казалось бы, не самое женское увлечение. Но стоило видеть огонек в ее глазах, когда на уроках информатики учителя давали классу задачи на составление легкого программного кода! Пока другие неумело пытались смастерить по учебнику рандомайзер, она делала полноценные игры, хотя бы и текстовые, лишённые визуального сопровождения.

– Кама, как у тебя это получается? – спрашивали ее одноклассники по пути домой из школы.

– Не знаю, – по-детски надменно лгала она им. – Это же проще простого!

Приходя домой, она даже не садилась за уроки – ей это было неинтересно. За это она много раз получала от своих родителей и учителей. И ее бы давно выгнали из учебного заведения, если бы не ее потрясающие результаты на региональных и международных состязаниях по программированию. В какой-то момент она даже стала кадровым сотрудником своей родной школы, специалистом по информационным технологиям.

Уже в выпускном классе она успешно собрала своего собственного робота, способного поднять до трехсот килограммов веса, имея своего лишь пятьдесят. Вся работа над ним производилась ей самой (не считая советов от знакомых инженеров) – от пайки микросхем и составных деталей до со-

ставления кода в компиляторе. Этот труд и позволил поступить ей в престижный колледж по технической специальности.

– Кама! Ты меня слышишь? – над ухом девушки раздался громкий мужской голос. – Может, пойдешь, отдохнешь?

– Капитан, – она повернула голову в сторону голоса, – мне еще нужно немного посидеть, я уже почти закончила. Я пойду через пару часов...

– Кама, ты сидишь здесь уже почти полдня. Ты не ела, не спала. Сохраняй наработки и иди в каюту. Завтра закончишь. – Капитан отвернул взгляд от девушки, отошел к своему месту и продолжил работу по составлению отчетности. В отделе разработки больше никого не было.

Мерцающие огоньки, плывущие в фиолетовых облаках пыли, способны надолго приковать к себе внимание, унося мысли в дальние дали. Сидя у иллюминатора в своей каюте, Кама наблюдала за извилистыми формами звездных скоплений, следила за пролетающими мимо осколками бывших небесных тел.

– Я не спорю, ты талантливая девушка, – говорила мать Камы накануне ее отъезда в колледж в далеком 2070 году, – Но разве ты сможешь найти там мужа? Мальчикам ведь не нужны невесты, любящие копаться в железках или просто разбирающиеся в них. Они чувствуют, что их ущемляют,

и видят в таких девицах не свое счастье, а лишь бесконечную гонку «кто кого умнее». Подумай, может быть, ты хочешь быть поваром? Может, врачом?

– Мама, я уже все решила! Я хочу заниматься тем, что мне нравится, а не что нравится тебе. Да и не хочу я пока никакого мужа! Мне еще рано об этом думать.

Они обе были на кухне. Кама сидела за столом, сложив руки перед собой, пока ее мать стояла над раковиной и намывала одну и ту же тарелку, не решаясь взглянуть дочери в глаза.

– Рано! Ах, ей рано! Тебе уже сколько лет! – мать начала повышать голос. – Дорогой, ты послушай что она говорит! – она повернула голову в сторону гостиной, где сидел муж, затем снова вернулась к раковине. – А дети? А внуки? Когда я увижу внуков?

– Успокойся, пожалуйста, мам...

– Не хочу я успокаиваться! Моя родная дочь уезжает за тысячи километров от меня, будет заниматься там не пойми чем, а я должна успокоиться?

Руки обхватили талию матери, голова Камы упала ей на плечо. Сердца обеих бешено бились не то от азарта ссоры, не то от страха грядущих событий. Мать убрала тарелку сушиться, уперлась руками в край раковины и заплакала.

– Все будет хорошо, – умиряя подрагивающую нижнюю губу, говорила Кама. – Верь в меня и не бойся.

Вечером того же дня, когда мать уже уснула у себя в спаль-

не, сжимая в кулаке детскую простыню своей единственной дочери, Кама под села на диван в гостиной к своему отцу, смотрящему в темноте какой-то боевик. Яркие взрывы с экрана непостоянным светом обдавали контуры частично седого мужчины. Морщины на его лице создавали тени, словно накидывали строгую маску безразличного ко всему человека. Его взгляд был всецело устремлен к телевизору, и создавалось впечатление, что ничего вокруг он и не замечает. Если бы была возможность спросить его сейчас, о чем он думал в тот момент, когда его дочь робко уместилась рядом с ним, он бы ответил, что переживал не меньше своей жены за будущее их общего ребенка. Но будучи мужчиной, воспитанным в старых традициях, он должен был сохранять внешнюю холодность. Девушка обняла отца за шею и с чувством поцеловала его в колючую щеку.

– Я буду скучать, – прошептала она чуть дрогнувшим голосом. Сердце отца кольнуло, но он лишь приобнял ее одной рукой за талию. Они просидели вместе перед телевизором, пока оба не начали клевать носом.

2

3007 год. «Демократия-5».

Аккуратный мазок кисти по шершавому холсту оставил на нем изящную линию. Еще один – и вот уже появились абстрактные очертания будущей картины. Спустя всего полча-

са вся предоставленная палитра цветов была разлита по полотну, почти хорошо изображая тихую деревеньку на склоне холма.

– Талантливый человек талантлив во всем, – сказала женщина средних лет, проходя мимо Камы, доводящей картину до личного эталона совершенства.

– Спасибо, – улыбнулась девушка в ответ, – но эта работа не стоит комплиментов.

– Любое проявление творчества уже само по себе достойно комплимента, – женщина погладила Каму по плечу и удалилась к своему рабочему месту в окошке приема готовых картин.

«Комната сублимации» – это то место, где каждый желающий без помех для других и для работы корабля может выразить себя, излить свои эмоции в искусство, тем самым сбавив глубокое чувственное напряжение. Местные поэты, художники, музыканты – словом, все приходят сюда в минуты грусти или жажды самореализации за пределами своей специальности. Иногда это место даже прописывается медицинским персоналом для тех членов экипажа, что подвержены депрессии.

Комната, хоть она так и называется, больше похожа на огромную овальную залу с высокими потолками. Вдоль стен располагались металлические столы с письменными принадлежностями и простенькими компьютерами. По всему помещению были раскиданы широкие шкафы с бумаж-

ными книгами и расходными материалами для изобразительного искусства, создавая огромное множество небольших извилистых коридоров. В дальнем углу находилось огороженное прозрачными звукоизоляционными стенами пространство для музыкантов, обеспеченное инструментами и средствами звукозаписи. Местами в «Комнате сублимации» народ сходиллся вокруг очередного поэта, решившего декларировать свои стихи. И абсолютно везде – хоть на книжных полках, хоть посреди проходов – художники мажут краской окружение, разбрызгивая цветастую радугу агрессивными движениями.

Оценивая свою работу после доведения ее до ума, Кама вдруг заметила одинокого паренька, сидящего на полу между книжными шкафами. Он сидел вдалеке, и если бы Кама не прищурила глаза, чтобы лучше рассмотреть детали на своем рисунке, она бы так и не увидела этого юношу, спрятавшегося за ее полотном. Сдав свою работу на хранение щедрой на комплименты женщине, Кама решила составить молодому человеку компанию. «Нам всем здесь бывает одиноко».

– Привет, – она встала прямо над ним, закрыв его своей тенью. – Можно к тебе присоединиться?

– Да, если хочешь, – устало проговорил парень, подняв свои серые глаза.

Кама села на пол рядом с ним и представилась, протянув руку новому знакомому.

– Александр, – ответил юноша, пожимая нежную ручку девушки.

– Почему ты сидишь один? Даже не занимаешься ничем.

– В моей каюте слишком много мрака, – говорил он приглушенно, – Воспоминания не дают мне отдохнуть, а здесь полно людей, которые своим видом отвлекают меня.

– Ну, так почему ты один? – улыбнувшись, Кама решила переспросить Александра.

– Не думаю, что я должен с кем-то говорить в моем состоянии. Испорчу всем веселье.

– Мне ты пока ничего не портишь.

Молчание затянулось на многие минуты. Александр сидел смиренно и смотрел в пол, обняв колени руками. Кама сидела в нерешительности, бросая взгляды на проходящих мимо людей и пытаясь сообразить, как продолжить беседу.

– Что ты думаешь о нашем корабле? – девушка наконец нашла тему для разговора.

– Мне сравнивать не с чем, – почти моментально ответил Александр, – но говорят, что наш «Демократия-5» не самый лучший. В противоположную от нас сторону вылетел «Демократия-9» – вот это машина так машина. Я даже слышал, что от них уже прилетел сигнал, и они уже колонизировали свою планету.

– Мы тоже скоро где-нибудь сядем...

– Ты в это веришь? У нас была цель прилететь на хорошую по всем параметрам экзопланету, но в итоге она оказалась

не такой, как обещали все эти спутники и телескопы. И теперь мы ищем другую планету, пытаюсь воссоздать работу земных ученых с нуля, не имея этих ученых. Мы потерялись, Кама, и я не верю, что мы найдем Новый Дом. Мы летели до планируемой экзопланеты почти тысячу лет. Сколько мы теперь будем лететь до места, которого еще никак не существует в наших планах? Лучше бы я остался на Земле.

– Но ведь...

– Да, Земли больше нет, – он немного помолчал. – Лучше бы и меня больше не было.

Александр встал с пола, отряхнул зад от пыли и, не прощаясь, ушел по своим делам.

Кама вернулась в свою каюту. Лежа в кровати и смотря в округлый потолок, она думала над словами нового знакомого. Она пыталась понять их, пыталась принять его точку зрения, но в конце концов решила откинуть от себя подальше эти серые мысли и не подвергаться унынию. Однако тьма уже была в ее голове. Кама вспомнила свое детство, своих родителей. Тоска по прошлому больно сдавила грудь, и две маленькие розинки скользнули по ее щекам к подушке.

3

Карие глаза смотрели в пустоту. Бесконечные строки программного кода уже не первый час стояли нетронутыми пе-

ред задумчивым взором бледной девушки. Она уже давно забыла, где находится и зачем сюда пришла. Ее руки расслаблено лежали на клавиатуре, а спина сторбилась под тяжестью гудящей головы.

В своих фантазиях Кама вновь возвращалась к разговору с Александром, вновь слушала его угнетающие слова (хоть они уже успели видоизмениться в ее голове) и пыталась сделать выводы. Она представляла различные исходы их разговора. Она думала над тем, как могла бы ему ответить в тот момент. В одной из таких придуманных сцен она даже крепко приложила его по голове крупным учебником по программированию. Но в итоге каждая такая воспроизведенная в голове сцена заканчивалась одинаково – девушка просто переставала ее развивать и начинала все с начала.

– Кама! – прокричал капитан со своего места. – Ты либо занимаешься АСКом, либо уходишь на перерыв!

Кабинет, в котором они находились, достаточно просторный и вмещал в себя тонны техники, но так, чтобы немногочисленный персонал в виде дюжины человек мог одновременно и спокойно заниматься своей работой. Табличка на двери в это помещение гласит: «Отдел разработки автоматической системы колонизаторов (АСК)», а чуть ниже – «Руководитель капитан Шефер». Стоит заметить, что на корабле «Демократия-5» около сотни капитанов, и все они руководители своих собственных отделов. Они также составляют Главный совет корабля, в котором присутствуют люди

более высокого ранга, как генералы и полковники, образующие Верховное руководство. Еще ни разу за весь полет Главный совет не был созван, зато созывались малые и судебные.

– Простите, – откашлявшись, ответила Кама. Дальше ее мысли были посвящены программе.

После выполнения своей работы девушка решила снова встретиться с этим мрачным парнем, чтобы еще раз поговорить с ним и получше узнать его мысль. Посмотрев историю посещений «Комнаты сублимации», она узнала, где нужно искать Александра.

Инженерный отдел находится на втором или на третьем месте по своей численности. Тысячи людей трудятся здесь, копаясь в проводах, трубах и на обшивке корабля, латая дыры, оставленные небесными телами. Если где-то пропало энергоснабжение, то именно инженеры идут смотреть и устранять проблему. Если перестали работать фильтры сточных труб, то именно они занимаются ремонтом.

Кама пошла в то крыло корабля, где сейчас идут активные работы по починке коммуникаций. Там она хотела спросить не только, где искать Александра, но и каким он видится своим коллегам.

– Знать такого не знаю, – ответил первый инженер, розовощекий толстяк с взъерошенными усами.

– Уйди отсюда, девочка, пока дяденьки не задавили, – ответил второй, находящийся в компании таких же, как он,

грязных и дурно пахнущих товарищей. Вместе они обсуждали земных женщин и травили друг другу истории про свои похождения.

– Да, помню такого, – отвечал уже десятый ремонтник – все предыдущие не смогли и не захотели ничего отвечать. – Молчаливый, не идет на контакт. Мы, если честно, уже давно положили на него... Простите за мой французский, как говорили на Земле, – он вздохнул, на мгновение вспомнив свою жизнь дома. – Короче говоря, странный тип.

– Вы не знаете, где он сейчас?

– Он вроде как сварщик, а их сегодня отправляли к третьему выходу. Может быть, там его и найдешь.

Кама поблагодарила инженера и отправилась к указанному выходу. Там, находясь на втором этаже за широким защитным окном, она увидела внизу возле тяжелых ворот с десятков рабочих, занимающихся ремонтом внутреннего слоя защиты. В руках у каждого разбрызгивали искры бесшумные лазерные сварки. Александр, хоть его тело и лицо было закрыто защитным костюмом, выделялся среди них, снова отделившись от своих товарищей. Когда из изолированного помещения, где велись работы, удалились все, кроме Александра, Кама решила подойти к нему поздороваться. Никто из инженеров не видел этого, так что не смог остановить ее или дать защитную экипировку, ведь без нее заниматься работами в таких местах, где случайно может произойти открытие выходных ворот, категорически запрещается и нака-

зывается.

Она не успела сделать и трех шагов за дверь, как небольшой баллон с газом у ног Александра взорвался, отбросив того прямо в защитное стекло на втором этаже, за которым недавно была Кама. Зазвенела сирена, двери заблокировались, и ворота третьего выхода стали открываться, образуя разгерметизацию помещения. Кама успела сообразить и быстро ухватилась за торчащие металлические трубы, пока ее ноги не оторвало от пола. Александр безвольно сполз с окна и зацепился костюмом за острые элементы конструкции стен, так что выход воздуха в безмятежный вакуум не смог унести его с собой. Девушка принялась карабкаться по неровностям помещения, чтобы достать горе-сварщика, надеясь скоро преодолеть эти четыре метра образовавшиеся между ними. Им повезло, что щель в воротах открылась лишь на пару сантиметров, а сама она обладала неплохими физическими показателями. Сирена надрывно кричала. Команда тревоги, рассеивающаяся АСКом по крылу корабля, твердила: «Внимание! Несанкционированное открытие выхода номер три!» С силой сжимая пальцы вокруг тонких железных прутьев и труб, цепляясь за щели между листами перекрытий и борясь со сводящими судорогой мышцами, Кама добралась до Александра и, еще до этой аварии заметив неподалеку дезактивированный вентиляционный тоннель, в который они могут протиснуться, решила протащить инженера в бессознании дотуда. Рывком оторвав инженера

от всех крючков, шипов и торчащих болтов, девушка за две секунды дотащила его до люка спасения. В ее глазах уже давно начало темнеть, но только сейчас она осознавала, что теряет сознание. Из последних сил она протиснулась в тоннель в след за спасенным и упала в гулкую темноту воздухоносных коридоров.

4

Мерное гудение аппаратов периодически сменялось негромким писком кардиомонитора. Приглушенные голоса персонала госпиталя и шепот посетителей заполняли слуховую пустоту окружения и врывались в полубессознательные сны пациентов. Под закрытыми веками мерещились тени, то сливаясь вместе в странном танце, то вновь расходясь в разные стороны. Тело не чувствовалось. Теплое одеяло по шею накрывало одетое в больничную робу тело юной красавицы. Немытые волосы были собраны в пучок медсестрой, но несколько волосинок выбились из прически и необычными рисунками лежали на блестящем лбу девушки.

В своем сне Кама вновь видела событие, которое отправило ее сюда. Память уже исказила те минуты под действием травм, но основные моменты все еще сверкали яркими незабываемыми пятнами. Громкий взрыв, ноги оторвались от пола, она попадает в темный провал, затем яркий свет, бьющий прямо в глаза и, наконец, длительное беспамятство.

– Как скоро ее выпишут? – вполголоса спросил капитан Шефер, начальник Камы, решивший навестить свою подопечную.

– Травмы не критические, гематомы проходят быстро, – врач посматривал то на девушку, лежащую в двух метрах от них, то на медицинскую карточку в своих руках, то в глаза капитану. – Перелом ключицы уже сросся – а это была самая большая ее проблема. Ожидайте ее возвращения через недели две, может, три.

Уже через неделю Кама очнулась. Первое, что она увидела, открыв глаза, был капитан, сидящий рядом с ее койкой. Его заспанное лицо, подернутое трехдневной щетиной взрослого мужчины, было напряжено. В дремотном бреду ему явно чудились нехорошие сны, связанные с состоянием Камы. Но девушка, только что очнувшаяся от долгого сна, была не способна ничего осознать, в том числе и чужие эмоции. В эти минуты и даже часы она не могла даже подумать о том, какие переживания претерпевает капитан на ее счет.

– Капитан... – слабым голосом прошептала больная. Шефер услышал его и мигом пробудился.

– Кама, наконец-то! – мужчина улыбнулся и взял нежную ладошку девушки в свою руку. Он знал, что ей ничего не угрожает, но не мог себя заставить не думать об ее спокойствии. Уже очень давно, почти что с самого первого дня на корабле, он не может не думать о ней. Он боится своих чувств, боится их осуждения и, что самое страшное, непри-

ятия их Камой. Ведь как-никак десять лет разницы, да еще и эти отношения власти-подчинения между ними.

– Где я?

– Отдыхай, Кама, спи! Медсестра!

На зов Шефера пришла женщина во врачебном халате и ввела Каму в новый искусственный сон.

– Мы смогли кое-что выяснить, – начал говорить товарищ Камы по отделу, Туман. Прошло два дня, и девушка сейчас уже в состоянии воспринимать и реагировать на информацию. – Этот твой друг, Александр Матвеев, скорее всего, сам устроил взрыв и разгерметизацию, и это не было случайностью. – Он присел на край больничной койки. – Я не буду вдаваться в подробности, но была проведена экспертиза, анализы, были опрошены люди. Этот дурак хотел совершить самоубийство. Странно, конечно, что он не пошел старыми и верными способами, но кукушка у него знатно съехала. Люди из его отдела даже не удивлены этому. Одинокий, тихий, угрюмый, унылый, депрессивный – это только часть тех эпитетов, которыми его наградили коллеги. Были и более оскорбительные.

– И вместо того чтобы помочь, его просто игнорировали... – задумчиво сказала Кама. Капитан, сидящий на стульчике по правую руку от нее, гладил своим большим пальцем бледную ручку девушки, сжимавшую его ладонь.

– Кама, он псих! – восклицание получилось слишком эмо-

циональным, так что под светом ламп были заметны брызги слюны.

– Это больной человек, а не псих! Никому до него не было дела, никто не решился с ним поговорить! Некому было остановить его разрушительные мысли!

– Думай как хочешь. – Туман встал с койки. – Но ему обещают жесткую терапию и, возможно, трудовую изоляцию в дальнем крыле корабля. Сейчас он, кстати, в терапевтическом изоляторе для подверженных депрессии, можешь навесить, если хочешь.

Еще через несколько дней, когда Кама смогла без помощи встать с койки, она все-таки решила посетить палату Александра. В изолятор, где лежал самоубийца, ее не пустили, но позволили посмотреть в его палату через камеру видеонаблюдения.

Александр сидел в позе лотоса на расправленной кровати, которая располагалась в центре небольшой палаты. Стены, полы и потолок были оснащены экранами, которые врачичи включали и отключали по расписанию. Окружение играло красками, на нем была изображена земная природа: маленький водопад, узкий ручеек, зеленые деревья высотой с небоскребы, пышные кусты и мельтешащие по окрестностям силуэты зверей и птиц. В динамиках палаты играли шумы этой композиции: пение птиц, шум воды, шелест листьев на ветру. Даже воздух фильтровался там так, чтобы в изоля-

торе присутствовали запахи лесного духа. Пациент находился в полном спокойствии.

– Как он? – поинтересовалась Кама у медперсонала.

– Трещины в ребрах, полученные от удара об стену, ликвидированы, переломы правого предплечья и правой голени устранены. Ссадины, раны и ожоги были незначительны и прошли за неделю. В физическом плане он здоров. Но не в психическом.

– Он здесь надолго?

– Курс терапии рассчитан на месяц, но он делает успехи.

Возможно, выпишется он даже раньше вас.

– С ним все будет хорошо после этого?

– Вообще, мы часто практикуем подобную терапию на экипаже корабля. Сами понимаете, далеко от дома в открытом космосе: кто-нибудь, да и начнет сходить с ума. Пока еще никто не вернулся к саморазрушению. Но тут стоит заметить, что он первый, кому мы проводим курс уже после попытки суицида. Мы надеемся, что это сильно не отразится на результатах терапии, и он скоро и надолго поправится.

Когда Кама выписывалась из госпиталя, Александр уже давно вернулся в инженерный отдел и продолжал работу со своей старой бригадой. Никакого изолированного трудового места ему не дали, чем оказался расстроен Туман. Шефер был рад снова видеть в кабинете свою подчиненную. Как жаль, что под действиями лекарств из ее головы выветрились все те моменты оказываемой капитаном к ней нежности, ко-

торые имели место в госпитале. Работа продолжилась, будто и не было никакой заминки.

5

Сигнал тревоги с бешеным ревом разнесся по всему кораблю. «Внимание! Угроза террористического акта! Просим экипаж корабля занять свои места, согласно утвержденному протоколу АТС-ноль три!» – синтетический голос автоматизированной системы с жутким хрипом старался перекрычать гул сирен. Несмотря на подготовленность персонала к такому раскладу, многие люди предпочли предаться либо панике, либо праздному интересу, уткнувшись в мониторы с камер видеонаблюдения.

Кама, согласно предписанию протокола, закрылась вместе со своими товарищами в рабочем кабинете. Их основная задача по сценарию – обеспечивать системный контроль за ситуацией и оборонять доступ к коду АСК. Подключив свои экраны к камерам, откуда, согласно датчикам, пошла тревога, капитан Шефер начал следить за происходящим.

Испачканные в алых брызгах стены коридоров подсвечивались красноватым огоньком сигнализации, омрачая картину до омерзения. Раненый человек, мужчина средних лет, еле ковылял, надеясь отыскать открытую комнату, с трудом волоча за собой истекающую кровью ногу. Ни одна дверь не была отворена – таков порядок протокола антитеррора,

а ставни, начавшие потихоньку блокировать выходы из подверженных атаке отделов, с каждым новым стуком закрытия отзывались в груди бедняги маленьким сердечным приступом. Он спрятался за угол, надеясь избежать того, чего не избежали его коллеги, но кровавый след, который он прочертил своей искалеченной ногой, не даст ему выжить. Крики отражались эхом от металлических коридоров. Звуки бега прерывались очередью из огнестрельного оружия. Мерный тяжелый шаг приближается. Тень показалась из-за поворота. Раненый мужчина за углом крепко сжал веки. Он вновь увидел свой дом на Земле, тихий участок вдали от городских шумов. Верный пес, умерший задолго до вылета бедолаги в космос, снова жив в его памяти. Он зовет его с собой в дом, просится поиграть, громко скулит и резво машет хвостом.

– Подожди, я скоро приду, – вымолвил мужчина с комом в горле.

Раскаленное дуло автомата уперлось в висок. Последняя слеза успела скатиться из глаз всего за секунду до того, как серебристый шарик проделал в голове сквозную дыру.

– Что же это там происходит? – кричал капитан в рацию. – Кто этот человек?

– Отдел биологов на связи, – ответил женский голос. – Он сейчас на нашей территории, но мы не имеем понятия, кто это. Мы забаррикадировались в своих кабинетах и каютах. Террорист не имеет ничего, чтобы взломать двери. Мы не успели вовремя среагировать, – голос сорвался. – Он убил

их! Пятнадцать человек! Он просто расстрелял их!

– Успокойтесь! Мы попытаемся его остановить! Кама, – капитан подбежал к девушке, – мы можем его локализовать? Запереть в текущей точке?

– Капитан... Система действует автоматически, начиная закрывать сначала дальние двери в радиусе десяти секторов, постепенно приближаясь к угрозе. АСК не позволяет принять ручной контроль.

– Твою мать! Зачем мы тогда нужны здесь, если мы ничего не можем сделать! – выпалил Туман.

Стрелок прошел достаточно далеко и без убийств, прежде чем начать вскрывать двери. Прикладывая пропуск к панелям, он начал входить в каюты и отстреливать их жителей.

– Господи, спаси! – успела выкрикнуть женщина средних лет, прежде чем упасть на пол с кровавой пеной у рта.

– АСК! Данные на человека, открывшего каюту Б-081! Подтвердить доступ администратора!

– Александр Матвеев, инженерный отдел, сварщик, – мгновенно выдал голос робота.

– Откуда у него допуск в каюты...

– Сука, я так и знал! – заорал Туман. – Его надо было изолировать! Твою мать, сколько жертв!

Кама разом побледнела, по спине прошелся холодный пот. Глухой стук сердца бил по ушам, гася свет в глазах. Девушка чуть не упала со стула, но ее подхватил Шефер и привел в чувство.

– Мобильный отряд в пути! – выплюнула рация.

– Почему так долго? Чем вы там занимаетесь, уроды? – кричал капитан, но его слова, к счастью или сожалению, долетели до микрофона рации лишь невнятными помехами.

Убийца услышал, как к нему приближается отряд солдат. Не медля ни минуты, он открыл следующую каюту, оказавшуюся пустой, и заперся в ней. Дверь окружила дюжина вооруженных людей. Один из них, с универсальным ключом, отворил вход. Под прицелами мобильного отряда оказался труп. Александр, не успев дверь за ним закрыться, выстрелил из ружья себе в голову, кровавым салютом оросив стены и потолок комнаты.

– Угроза устранена, – объявил лидер отряда, и АСК перешел к заключительной стадии исполнения протокола.

– Двадцать один убитых, пять раненых, тысяча пятьдесят получили психоэмоциональные травмы, – система подсчитала и объявила потери. – Техника получила незначительный урон. Запускаю дроны-очистители. Медперсонал обязан оказать помощь пострадавшим и заняться погибшими. Мобильный отряд должен провести следствие. Время тревоги – тринадцать минут и двадцать семь секунд.

Позже тем же днем, когда основные работы по устранению последствий перестрелки были закончены, в цеху кремации

состоялись похороны. Двадцать три тела, включая умерших в госпитале, лежали рядом друг с другом под плотными белыми простынями, на которых местами проступила кровь. Через несколько минут они все отправятся в печь, а после будут рассеяны в космосе среди такой же, как они, пыли. В крематории собралась небольшая толпа, остальные желающие могли посмотреть трансляцию с камер видеонаблюдения. Кама и капитан пришли на похороны лично. Шефер нежно приобнял девушку за плечи, но это осталось незамеченным.

– Это все моя вина, – начал свою речь капитан инженерного отдела. – Я должен был заметить опасные мысли в голове моего подчиненного, но вместо этого я их проигнорировал. Я знал, *что* о нем говорят. Я в курсе его недавней попытки суицида. И я думал, что курса терапии ему хватит, что не надо изолировать его от общества, а нужно дать ему дальше продолжать свою работу. – Его губы дрожали, а голос периодически срывался. – Больше я не допущу подобного. Я ухожу с должности капитана отдела и в ближайшие дни погружу себя в долгий сон. Не думаю, что после всего этого мне здесь будут рады.

– Я потеряла людей, – начал выступление следующий оратор – капитан биологического отдела. – Этот Александр занимался ремонтными работами в одном из наших кабинетов, и не было ничего такого, что могло бы нас насторожить. Но вот он, не снимая свою маску сварщика, достает ружье, –

всхлипнув, она глубоко вздохнула, – Шарк, Ларс, Михаил, Эван, Аарон и многие другие были убиты за считанные минуты. Когда в рабочих кабинетах закончились люди, он стал искать их в каютах, вскрывая их своим ключом. Протокол работал, но работал медленно – и в этом вина отдела разработки АСК и капитана Шефера в частности. Мы попытаемся справиться с потерями, попытаемся продолжить работу над теми проектами, которые были в ведении убитых. Вместе мы все сможем. Спасибо.

– Мобильный отдел работал быстро и слаженно, – говорил их командир. – Вы можете сказать: «Они опоздали» или «Они пришли тогда, когда было уже слишком много потерь». Но хочу сказать, что нам потребовалось преодолеть немалый путь от нашей базы до биологического отдела. Мы уложились в нормативы, – он прервался на секунду перевести дыхание. – Я должен согласиться, что отдел разработки АСК в эти минуты сработал ужасно, если вообще работал. Если бы они успели преградить путь преступнику, если бы они перекрыли ему выходы, то исход был бы гораздо лучше. Но, несмотря на все это, мы должны справиться с горем и продолжить свою миссию.

– Хочу напомнить всем присутствующим, – выступил с речью Шефер, – что протокол АТС-03 работает автономно. Система АСК во время активации сценария становится абсолютно автоматической, не принимая ручного управления. Мы сидели на положенном месте, готовые к выполнению

неотложных задач, но проектировщики протокола не учли нюансы нашей работы. С этого дня наша команда займется проектированием АТС-04 с учетом всех особенностей и на основании горького опыта. Также я хочу попросить командира «мобилки» предоставить данные касательно ключ-карты Александра Матвеева, которая была явно модернизирована для допуска туда, куда не пропускают обычные ключи. И пожалуйста, поймите, что беда коснулась всех нас, что мы все пострадали. Не нужно находить виновных. Смотрите на себя, смотрите на окружение и не допускайте подобного впредь. Всем спасибо.

Капитан Шефер взял под руку Каму и отошел с ней к дальней стене, откуда они продолжили наблюдать за похоронами.

Глава 2

Боль

1

3007 год. «Демократия-5».

В помещении тира стоял мерный гул техники – компьютеры визуализировали голографические мишени и летящие в них выстрелы лазерных винтовок. Каждый стреляющий был огражден от другого тонкой стальной стеной, предотвращающей нежелательные зрительные и телесные контакты. Убить кого-либо в тире невозможно, ведь весь процесс стрельбы напоминает и является чем-то вроде видеоигры, каких было полно на покинутой Земле. Раньше огромные залы развлекательных комплексов были заполнены «хваталками», «воздушными хоккеем» и другими денежными пылесосами, выдающими билетик за вовремя нажатые клавиши – легальное казино, еще и для детей! Но как бы ни было расточительно и глупо посещение этих мест, люди все равно приходили туда и получали удовольствие.

Роберт, бывалый стрелок как в играх, так и в жизни, выбивал в тире одну мишень за другой. Плывущая по воздуху симуляция «бычьего глаза», статичные и перебегающие

с одного края в другой картинке вооруженных людей – нет никакой цели, какую не поразил бы вояка в самое яблочко. В наушниках звучали комплименты от смотрящего, а где-то из-за спины доносилось восхищенное перешептывание коллег.

В былые времена Роберт служил по контракту в армии. Когда он только вступил в вооруженные силы, то долгое время лишь сидел в запасе, ожидая своего часа на поле боя. Он посещал сборы и курсы, научился управляться с тяжелой артиллерией, вождению танков и другой специальной техники, но войны все не было. Однажды ночью звонок из воинской части сообщил ему о готовящейся интервенции в одно из соседних государств, которое тогда страдало от вдруг прогремевшей гражданской войны. Поцеловав жену будто в последний раз, Роберт собрал все необходимое и уже через час стоял на плацу в полной экипировке.

Долгие четыре года не позволяли ему вернуться домой. Почти каждый день он созванивался с оставленной в родных краях женой, почти каждый день он все больше убеждал себя, что любит ее до безумия. Он не лгал себе, ни в коем случае! Он чувствовал, пытался чувствовать больше и постоянно влюблялся вновь. Он слышал ее голос, видел присланные фотографии и видео, и каждый день его сердце все больше билось в любовных конвульсиях. Поначалу он чувствовал страх за свою жизнь, как его смерть воспримет любимая, как она отнесется к тяжелым последствиям войны в чужой

стране. Но дикое желание любви и страсти оттенили всякие другие переживания и стремления. И поэтому когда после долгой боевой операции в горах, где он был руководителем, Роберт получил инвалидность и новое увольнение в запас, он с радостью воспринял свое положение.

– Роберт, цель на одиннадцать! – скомандовал голос в наушниках, и стрелок, ненадолго оторвавшись от своих воспоминаний, вновь попал в центр круглой мишени одним точным выстрелом.

Дома, в Германии, с войны его встречали родители, сестры и любимая жена. Отужинав со всеми в праздничной атмосфере и проводив до входной двери родственников, Роберт со всей возможной страстью зверя накинулся на такую же горящую желанием партнершу. Эта ночь вместила в себя все оргазмы, потерянные за четыре долгих года. Во тьме, словно в вечности, эти двое не расцеплялись, были одним целым, наслаждались собой и друг другом в одном долгом экстазе. Рассвет был встречен ими под тяжелые усталые вздохи.

– Я схожу в магазин, – супруга разбудила Роберта ближе к полудню сладким шепотом, – а то у нас даже яиц на завтрак нет. Скоро вернусь.

Она с нежностью поцеловала его в щетинистую щеку. Он почувствовал ее запах и сквозь сон пытался запомнить каждую его нотку, чтобы вновь увидеться с ней за закрытыми

веками.

– Роберт Криг? Вас беспокоит отделение полиции №**, – телефонный звонок долго пытался воззвать к спящему, так что только спустя десять минут настойчивых звонков полицейскому удалось разбудить бывшего солдата.

– Да, с кем я говорю? – он положил телефон себе на ухо и закрыл глаза.

– Сержант Боте. Возможно, это не самые лучшие слова, чтобы слышать их утром в выходной, но мы вынуждены вам сообщить об этом. В общем, ваша жена попала в автокатастрофу. Мы нашли ее телефон, вынули сим-карту и позволили вам по сохраненному номеру.

– Что произошло? Что с ней? – Роберт сел в кровати и попытался как можно быстрее прийти в себя.

– Водитель грузовика не справился с управлением на трассе и выехал на встречную полосу. Ваша жена не смогла вырулить, и как итог – передняя часть ее машины сильно смялась, разорвав водителя – вашу жену – и откинув само транспортное средство на обочину. Наряд полиции и скорой помощи прибыл на место так быстро, как было возможно, но результат аварии оказался слишком... тяжелым. Мне очень жаль.

– Этого не может быть... Этого не должно было случиться! – голос проснулся и стал громче.

– К сожалению, мы не управляем нашими судьбами и судьбами других людей, – наставническим тоном продол-

жал полицейский. – Мы еще выясняем все обстоятельства столкновения, но озвученная мною версия наиболее приближена к истине. Ваша жена не была виновата.

– Где она?

– Морг №**, вы сможете найти его сами?

– Да, сержант. Спасибо. – Роберт бросил трубку.

С самых первых слов по телефону и до последнего кома земли, брошенного в яму с гробом на похоронах, Роберт был не в состоянии думать. Он вдруг забыл, каково это – чувствовать. Словно что-то умерло в нем, словно он потерял часть себя тем злополучным утром, что следовало за прекраснейшей в его жизни ночью. В одиночестве стоя под луной, изучая неброскую надгробную плиту над невысоким холмиком среди сотен таких же искусственных бугров, Роберт вдруг вспомнил утренний запах своей погибшей любви.

Сколько бы ни было в нем чувств, сколько бы он ни испытывал их ранее: и в слезах, и в яркой радости, – в те дни он оказался неспособен осознать, что они вдруг оглохли, ослепли и перестали показываться на его лице и в его движениях. Он чувствовал грусть и скуку, но не мог как-либо это показать. Без слез, эмоции стали сжигать его изнутри, отчего он быстро пришел к алкоголю и наркотикам. Затянутая депрессия и ее дурные последствия сильно подкосили солдата. Друзья не смогли с ним справиться и просто ушли от него, родственники бились за его спасение до последнего. Но какой толк кого-то спасать, если он хочет обратного?

Именно поэтому он немедленно согласился на рискованный эксперимент, предложенный ему его сослуживцем. Раз уж ему уже нечего терять и жизнь потеряла всякий смысл, то почему бы в итоге не погибнуть в космосе как член обширного экипажа. Подделать документы о психическом здоровье ничего не стоило, так что уже через полгода Роберт был готов лететь. В момент отлета, чувствуя мандраж перед грядущим, его сердце вдруг снова забилося и улыбка, не то ужаса предстоящего путешествия, не то радости, растянулась по его лицу в момент первого толчка двигателя.

Роберт отложил винтовку и снял наушники. Выйдя в командную комнату, где сидели модераторы и зрители, его забросали комплиментами. С искренней улыбкой, стрелок удалился в свою каюту, где его ждал недописанный на компьютере детективный роман.

2

Комната отдыха мобильного отряда источала неестественные для мужского общества ароматы сандала и корицы. Теплый потолочный свет лился на игроков в шахматы и их зрителей, обсуждающих, помимо ходов ферзя, и более личные вопросы. В дальнем углу, за красиво накрытым чайным столиком, сидели еще двое, тихо смеющиеся от забавных историй из жизней друг друга. За письменными столами кто-то из солдат рисовал картинки или сочинял письма. На дива-

не располагался гитарист, который безуспешно пытался настроить свой инструмент.

– Вот, мужики! – громко начал один из собеседников шахматистов, – Как вы думаете... Если у тебя групповуха с сестрами-близняшками, то насколько неловко девушкам в этот момент? То есть они же сестры, видят друг друга голыми, может быть, иногда даже вынуждены как-то контактировать друг с другом, целоваться, например.

– Андрей, ну хорошо же сидели!

– Нет, мне на самом деле интересно! У меня такого никогда не было и наверняка не будет, но, может, кто в курсе подобной ситуации?

– Давайте его проигнорируем и продолжим играть? – предложил лидер черных фигур, которых на доске было чуть ли не в два раза меньше, чем белых.

В комнату бесшумно вошел Роберт, взял с маленькой полки затертую бумажную книгу и сел за оставшийся незанятым письменный стол.

Гитарист взял аккорд.

– Лажаешь! – крикнул Андрей и посмеялся.

– Что ты брешешь, идеально я настроил!

– Да не слушай этого дебила, все нормально, – поддержал музыканта один из любителей чая.

Гитарист сыграл еще несколько аккордов боем, а затем перешел к плавному перебору, мыча себе под нос наполовину забытый текст песни. Путаница в словах и нотах заставила

его сбиться с ритма.

– Холодный ветер с дождем усилился стократно, – тихо начали подпевать за игральным столом, – Все говорит об одном: что нет пути обратно...

Спустя пару мгновений вся комната отдыха разрывалась от басовитых голосов взрослых мужчин, поющих старую песню из их общего незабываемого прошлого (несмотря на то, что многие слышали эту песню впервые только на этом корабле). Французы, англичане, немцы, русские – никто не сидел молча и каждый дополнял общий хор. Даже Роберт отложил книгу, прикрыл глаза и тихо подпевал.

– Что ты не мой лопушок, а я не твой Андрейка, – кто-то весело хлопнул Андрея по плечу, – что у любви у нашей села батарейка!

Громкий сигнал тревоги резко оборвал песню прямо перед самым припевом. «Внимание! Угроза террористического акта! Просим экипаж корабля занять свои места согласно утвержденному протоколу АТС-ноль три!» Для мобильного отряда это был сигнал наизготовку, следующий – осуществление необходимых мероприятий. Люди не стали ждать следующего приказа и сразу вышли в оружейную, экипировочную и командный пункт. Роберт, будучи старшим стрелком, решил для начала отправиться в связной пункт, а не получать оружие, как следует по протоколу.

– Что случилось? – спросил он у женщины за монитором, на котором поочередно сменялись виды с камер наблюдения.

– Вот, посмотри, – она открыла ему изображение, на котором какой-то мужчина с самодельным ружьем ходил по секторам и отстреливал попадающихся на глаза людей.

– Он один?

– Выясняем. Возможно, что это – диверсия, теракт. Как узнаем наверняка, так командование даст следующую команду.

– Будем ждать, пока там умирают люди? Где это происходит?

– Биологи. Отсюда идти туда займет очень много времени и жертв будет слишком много, даже если начать движение прямо сейчас.

– АСК блокирует двери?

– Да, но это происходит слишком медленно. Если стрелок не один, или даже если он будет бежать – убийства могут накрыть слишком много секторов.

Роберт ушел в оружейную. Собрав небольшую группу ребят, он решил не медлить и не ждать программной команды, а идти сразу. Заранее подсоединившись к связному отделу, в дальнейшем он получал информацию о местонахождении преступника и небольшим отрядом шел туда кратчайшими путями. Но автоматическая система уже успела закрыть часть дверей.

– Вашу мать, и что теперь? – выругался Андрей, который тоже попал в этот отряд.

– Похоже, нам остается только ждать, когда командный

пункт соизволит дать разрешение программе, – ответил кто-то из-за спины.

– Универсальный ключ не работает, – заметил Роберт Криг, когда в ответ на его манипуляции с замком загоралась красная подсветка.

Долгое ожидание угнетало. Мышцы сводило судорогой. Кричащие в панике голоса, раздающиеся из рации, подключенной к секторам смерти, не помогали сохранять спокойствие. Сигнал тревоги орал. Кто-то сидел на полу, кто-то ходил по коридору из стороны в сторону, унимая нервы: но при том все готовы рвануть вперед, когда дверь откроется.

Ставни начали движение, раздвигаясь в стороны.

– Отряд, держим строй! – скомандовал Роберт, после чего солдаты с ним во главе побежали к предполагаемому месту нахождения террориста.

Они окружили каюту, в которую лишь пару секунд назад забежал преступник. Криг открыл дверь универсальным ключом. Под прицелом у солдат оказался сидящий на койке безголовый мужчина, все еще крепко сжимающий ружье в своих напряженных руках. Дуло испускало легкий дымок перегрева где-то на уровне, где раньше была голова. Алые брызги, словно инсталляция художника-абстракциониста, рисовали на стенах и потолке картину грубой и своевольной госпожи-смерти.

– Угроза устранена, – тихо сказал Роберт и опустил винтовку. АСК прекратил звон сирены и запустил команду

по уборке последствий.

Старший стрелок шел по коридорам секторов, стены которых грязнились кровью. Перешагивая багровые лужи и иногда изрешеченные тела, он открывал двери кают и кабинетов, чтобы найти там спрятавшихся от расправы членов экипажа. В одном из кабинетов, за заваленным набок стальным столом, лежала потерявшая сознание женщина. Ее состояние не удивительно, ведь кроме нее в кабинете были лишь мертвые тела. Роберт приподнял ее на руках и попытался разбудить. Она слабо шевельнулась, мышцы на лице хаотично заиграли мимикой. Женщина открыла свои большие голубые глаза и с трудом сфокусировала взгляд на лице солдата.

– Привет, – выдавил Роберт, ощущая, как сердце вдруг забилось быстрее. «Красивая», – раздалось у него в голове.

– Здравствуйте, – слабым голосом ответила женщина и чуть улыбнулась, но Роберту, скорее всего, это лишь показалось.

Криг привел ее в чувства, закрыл ей глаза непроницаемой тканью, чтобы избежать нового обморока, и под руку увел из этого страшного места.

3

На следующий день Роберт Криг намеревался навестить спасенную женщину. Ночью он не мог уснуть, пока не воспроизвел в памяти ее лицо в самых мельчайших подробностях.

стях, которые он успел заметить за ту короткую встречу. Красивые глаза, темные волосы, собранные в пучок, и белый докторский халат, даже сквозь свою бесформенность выдающий прелестную фигурку – образ летал перед глазами, говорил с ним все тем же слабеньким голоском как после потери сознания. Солдат даже решился почитать информацию о предмете своей бессонницы, попросив данные у знакомых в картотеке.

«Кайла Маккарти родилась в 2043 году в небольшом британском городке в семье преуспевающего дантиста и учительницы местной школы. Подрастая, она все больше проявляла интерес к врачеванию (чем был особенно горд отец), что впоследствии привело ее в дорогой медицинский колледж. На курсе она была одной из самых успешных студенток, однако под конец первого года обучения она решила резко сменить направление своей специализации, углубившись в чистую биологию – изучение микроорганизмов. Так, до самого отлета „Демократии-5“ она проработала в лаборатории того же университета, который закончила с наивысшими результатами. Помимо учебы и научной деятельности Кайла питала интерес и к более творческим формам самореализации: временами выступала в составе комедийной университетской команды, записывала музыкальные композиции с акустической гитарой, организовывала спортивные мероприятия, в которых сама же потом и выступала. Из-за своего ума, остроумия и огромных научных знаний она и попа-

ла в состав экипажа колонизаторского корабля».

Воссоздав в уме образ прекрасной умной женщины, разыграв с ней в голове диалог (в котором Роберт убедительно показал себя остроумным и романтичным), солдат, наконец, уснул.

Уже проходя по коридорам биологического отдела, Криг вдруг почувствовал свою нервозность. До этого все было хорошо, все шло так, как и должно быть. Спокойствие, расчет, полная готовность встретиться с понравившейся женщиной – все это испарилось, когда до двери ее кабинета осталось каких-то десять метров.

– Какой ты глупый, Робби, – внезапный голос вдруг остановил его. – Ты в самом деле на что-то надеешься?

Роберт оглянулся по сторонам, но никого не обнаружил – коридор был пуст. Он проверил, может, вдруг забыл снять наушники, но и тут ничего не оказалось.

– Робби, – откуда-то из глубины продолжил явно знакомый голос. – Ты уже не можешь, ты не способен на это! Счастье уже было у тебя в руках, разве ты этого не знаешь? Второй раз найти любовь всей жизни невозможно!

– Кто ты? – солдат возмутился в полный голос, затем оглянулся, но в коридоре было все так же пусто.

– Ты был счастлив там, на Земле. Но счастье ушло. Оно погибло в той аварии, Робби. Вспомни, как ты был несчастен потом, вспомни, как плохо тебе было! Только настоя-

щие чувства способны на такой переполох в твоей глупенькой голове! Или ты надеешься, что сможешь снова испытать это горе? Может, ты надеешься хоть в этот раз довести себя до самоубийства? Вспомни тот пистолет в своей руке, вспомни, как часто ты прислонял его холодное дуло к своему виску, как часто ты ощущал металлический вкус крови на языке в те моменты. Любовь мертва, Криг. Не воскрешай то, чего не вернуть!

– Отстань от меня! – на крик Роберта из кабинетов повывезли озадаченные головы ученых. Кайлы среди них не было, это уже хорошо. – Простите! Не обращайтесь внимания, просто коллеги в наушнике, – он показал пальцем на пустую ушную раковину. – Бесят иногда.

Солдат нашел ближайшую уборную и ополоснул лицо холодной водой. Глядя на себя в зеркало, он вдруг увидел бледного, постепенно покрывающегося морщинами мужчину лет за тридцать. Страх перед знакомством и непонятный голос в голове обдали его глаза мутным блеском. Во рту пересохло, а в висках загудело. Он простоял еще минуту, упершись руками в серебристую раковину, затем снова посмотрев на себя громко рассмеялся. «Глупый Робби, в самом деле», – подумал он про себя. Высушив лицо и руки, Роберт решил продолжить начатое.

Уняв последнюю дрожь в руках, он постучался в кабинет. – Войдите! – женский голос, словно спетый ангелами, ото-

звался из динамика. Сердце Крига забилося быстрее, возвращая страх.

– Здравствуйте, Кайла, – начал он, входя на опасную территорию женщины-мечты. Она сидела за письменным столом и что-то очень быстро набирала на компьютере. – Вы, может, меня не помните, но это я вчера вывел вас из... вы поняли.

– Да, конечно! – Она сняла очки, пару раз быстро моргнула, встала со своего места и прошла навстречу Роберту. – Я вам так благодарна! Даже не знаю, как бы я вышла оттуда и вышла бы вообще. Мне повезло не видеть всех тех последствий, – она пожала ему руку и пригласила сесть на рядом стоящий диван лицом друг к другу. – Благодаря вам я избежала терапии, и работа над проектами не встала. Кстати, как вас зовут?

– Криг, Роберт Криг. Старший стрелок мобильного отряда, – второпях проговорил солдат, спотыкаясь почти на каждой букве, из-за чего неловкость внутри него возросла. Кайла улыбнулась, заметив его скованность. – Я просто хотел прийти и убедиться, что с вами все хорошо. Кажется, я свою миссию выполнил, – он испустил глупый смешок, затем снова испытал неловкость от своих слов и сильно покраснел.

– Да, со мной все хорошо, – широко улыбаясь, ответила Кайла. Ей забавно было смотреть на этого смущенного чудака. «Миленький», – подумала она. – А с вами все в порядке? Вы же все-таки сами были в гуще событий. Всякого увидели,

наверное?

– Да, было на что посмотреть, – он запнулся. – Извините. Просто после службы в армии меня уже не так сильно пугают картины смерти, они просто кажутся любопытными.

– Вам в своем роде повезло, Роберт. А вот я сейчас пью специальные таблетки, чтобы не вспоминать о вчерашнем. Именно поэтому я сейчас не горюю, а даже улыбаюсь. Хотела бы я быть такой же бесстрашной.

– О, вам не пойдет, – он посмеялся. – Вы слишком хороши, чтобы быть такой черствой.

– А разве вы черствы? – улыбка не сползала с ее лица. Роберт решил, что это все из-за таблеток, равно как и желание Кайлы продолжать разговор – эти мысли соревновались в его голове с мыслями о том, что женщина на самом деле в нем заинтересовалась. Собравшись с духом, он решил, что терять уже нечего.

– Слушайте, Кайла. На самом деле я пришел сюда, потому что вы мне понравились. Да, ситуация с нашим знакомством странная, может, и время выбрано неудачное, но ждать я не мог. И я хотел спросить вас, хотите ли вы сходить со мной на свидание? – сердце бешено колотилось. Казалось, будто одежда на нем в области груди подергивается в безумном темпе. Как же давно он не чувствовал подобного!

– Хорошо, – все так же улыбалась Кайла. И вдруг Роберт успокоился, встал с дивана и решился попрощаться.

– Я напишу вам в чате о месте и времени, – второпях он

пожал руку женщине и вышел из кабинета.

– Миленький, – вслух произнесла Кайла, когда дверь за ним закрылась. После она снова села за работу.

4

Роберт пытался уснуть. День был насыщен эмоциями, так что спокойно провалиться в сон ближайшие часы было почти невозможно. В каюте было темно. Небольшая щель в шторке иллюминатора мерцала огнями внешних датчиков и фонарей, однако этого света хватало лишь на то, чтобы видеть эту самую щель. Сон начинал постепенно сковывать тело и разум, погружая в свои безмерные пучины тьмы и ярких видений.

Криг заснул. Слегка беспокойная, но все же дремота одолела его. Он еще слышал слабый гул за стальными стенами, его мозг все еще пытался держаться в сознании, вообразить грядущую встречу с Кайлой. Но в миг все это стало частью сна.

Он сидел в казарме в далекой земной стране, где много лет назад ему пришлось проходить службу. Вертолеты беспрестанно кружили над базой. Ровный, почти марширующий бег военнослужащих толстыми подошвами выбивал пыль с расколотого техникой и снарядами асфальта. Он изучал фотографию своей жены, проводил грязными от пороха и земли пальцами по ее лицу, пытался вспомнить, каково

это – гладить ее кожу.

– Робби, – раздался знакомый женский голос. – Глупенький.

Роберт резко поднялся с места, когда в казарму вошел командир.

– Криг! Ты почему сидишь, прохлаждаешься, когда твой взвод уже экипирован и ждет вылета? – глубокий прокуренный голос начальника во сне чуть не разбудил Роберта наяву.

– Товарищ полковник! Виноват!

Он быстрыми движениями спрятал в карман формы фотографию и выбежал к вертолету. По пути экипировка сама волшебным образом оказалась на нем, но во сне подобных вещей никто не замечает.

С вертолета открывался великолепный вид на леса и холмы, над которыми пролетал взвод. Еще тогда, во время службы, Роберт запомнил каждое растущее здесь деревце, каждый изгиб маленьких ручейков, каждую зеленую полянку, воспоминания о которых полностью отразились в его текущем сне.

Вертолет по волшебству сновидений приземлился рядом с домом Крига, в который он когда-то вернулся после ранения. Входя в дом, он уже был одет в повседневную городскую одежду. С кухни веяло свежими оладьями. В гостиной с большого плоского телевизора вещала утренняя музыкальная программа.

– Робби, – снова раздался женский голос. – Я на кухне.

– Привет, – выдавил он, когда перешагнул порог ароматной комнаты. Спиной к нему, слегка сгорбившись над плитой, стояла женщина, которая Роберту своими изгибами, своей стойкой очень сильно кого-то напоминала. Только когда она повернулась к нему, держа брызгающую маслом сковороду в руках, он все осознал. Внезапный приступ тревоги сжал сердце в колкие тиски, сдавил горло, к глазам почти подступили слезы – эмоции были иллюзорны, но чувствовались слишком реалистично. – Что ты здесь делаешь?

– Глупенький Робби, – она называла его так, как делала обычно, когда Роберт вдруг забавно глупил или вытворял что-то милое. – Я здесь живу, как и ты.

– Нет, не может быть! Этого места уже давно нет! Как нет и тебя!

Он подошел к ней ближе. Чувства грусти и тревоги ушли, уступив безосновательному гневу.

– Кто ты и зачем ты пришла?

– Робби, – она поставила сковородку на стол. – С тобой все хорошо? Или эта Кайла помutila тебе разум? Я так и знала, что она тебя не стоит! Ты только мой, Робби, и всегда будешь моим.

– Ты умерла!

– Разве это преграда? – она подошла к Роберту вплотную, нежной рукой скользнула по его груди и бицепсу. – Ведь я всегда с тобой. Просто вспомни меня, вспомни наши дни, как мы клялись друг другу в верности и вечной любви.

Она толкнула его в грудь, и Криг вдруг упал спиной на спальную кровать. Она залезла на него сверху и попыталась поцеловать.

– Нет! – Он оттолкнул ее и сел на край кровати, уперев лицо в ладони. – Ты погибла, я горевал по тебе, я страдал. Я думаю, я имею право тебя отпустить и жить дальше.

– Вспомни ту нашу ночь. Вспомни все ночи! Мы любили друг друга, как любим и сейчас. Неужели ты готов изменить мне? Ты мой, а я твоя – и здесь нет места никаким голубоглазым шлюхам!

– Закрой рот! Я не хочу тебя слушать! Тебя нет! Ты не остановишь меня! Я заслуживаю счастья!

– Я твое счастье! – кричала покойница в ответ. – Предатель, убийца, дурак, изменщик!

Картина снова сменилась. Теперь Роберт стоял на кладбище, под его ногами все еще вздымался холмик. На испачканном грязью маленьком надгробии была лишь одна надпись: «Убита неверным мужем».

– Прости меня. Мне очень жаль, что это произошло с тобой. Я долго тебя оплакивал, я потерял смысл жизни. Но из нас двоих я еще жив, и я заслуживаю продолжать жить. К сожалению, без тебя. Но если бы ты была рядом, ты бы поняла меня. Я бы понял тебя. Живые должны жить, а мертвые молчать.

В считанные мгновения могила зацвела тысячей цветов. Надгробная плита стала белоснежно-белой, и с нее стерлись

всякие надписи. Какое-то ангельское сияние лилось на Роберта из-под земли.

Прозвенел будильник.

Все первые часы после пробуждения Роберт занимался тем, что прощался с прошлым, которое уже много лет должно быть забыто. Открыв коробку со старыми фотографиями, он вытащил снимки своей бывшей жены. Он даже нашел тот самый кадр, который видел ранее в своем кошмарном сне. Улыбаясь, пока вспоминал прошлое, Криг переключал по коробкам и их отделам старые вещи, решая, какие оставить, а какие лучше отложить подальше, чтобы призраки прошлого вновь не атаковали его.

– Мы были счастливы, – прошептал он, разглядывая свадебное фото. – Это был наш год, 2063. Я помню, как мы его провели, такое не забудешь, – он посмеялся. – Я пытался о тебе не думать, не замечая, как на самом деле просто спрятал тебя глубоко в своей голове. Неудивительно, что ты разозлилась, – он замолчал на секунду. – А я сошел с ума, раз разговариваю с призраком жены...

Он убрался в каюте, застелил постель и оделся. Теперь, при беглом осмотре помещения, его глаз перестал цепляться за развешанные повсюду символы давно ушедшего прошлого – все было закинута в самую темную коробку в дальний угол шкафа. Остается лишь надеяться, что дурные сны и голоса в голове стихнут и перестанут его беспокоить.

«Стоит сходить к психиатру», – заключил Роберт, выходя из каюты.

5

– В общем, это все, что приключилось со мной за последние несколько циклов, – заканчивал свою историю Роберт. – Страхи, галлюцинации, новые знакомства... Даже дома у меня не была такая богатая на события жизнь. А что у тебя, Марк?

– Трудно объяснить, – Шефер отхлебнул из кружки чай. Друзья сидели в одной из общих столовых друг напротив друга за двухместным столом. – Приказы, рапорты, иски... Будто бы мой отдел виноват в том, что случилось. Скоро суд, там я все и опротестую.

– Каких-то тринадцать минут бесконтрольной мясорубки, и столько проблем. Мертвый персонал, обвинения. Но я не хочу об этом слушать, Марк, – он поморщился. – Мне больше интересно то, что ты собираешься делать с той юной особой из своего отдела. Или ты уже перестал думать о ней?

– Я не знаю, Роб. Если честно, то в моей голове эта ситуация представляется слишком сложной. Смотри, она в моем подчинении, у нас большая разница в возрасте, и, кажется, я ей неинтересен. Она умна, красива, заботлива. Помню момент, когда я сильно заболел. Она тогда вызвала врачей в мою каюту, хотя я не хотел. Она навещала меня каждый

день. Но значит ли это хоть что-то? Когда она чуть не погибла, я был в ужасе. Будет ли она так же бояться за меня, если я окажусь в опасности? – лицо Шефера оставалось серьезным весь его монолог.

– Ты слишком много думаешь и мало делаешь, друг. Попробуй спросить ее прямо. Если у нее есть хоть что-то к тебе, помимо работы, то лучше узнать об этом.

– Мы сейчас сидим и разговариваем о чувствах прямо как маленькие девочки, – Шефер засмеялся, и Криг присоединился к нему. – Но кое в чем ты прав. Да, думаю, стоит просто признаться, и будь что будет.

– Так держать! Все-таки мы здесь ничего не теряем, наш корабль-город большой и в то же время маленький. Если откажет – не беда, найдешь другую среди тех пяти тысяч остальных женщин или сколько их вообще. Кроме Кайлы, конечно.

– Ты не опаздываешь на свидание? – Марк посмотрел на свои наручные часы.

– Твою мать, – сделал то же со своими часами Роберт. – Еще увидимся, друг.

Он встал с места и протянул руку Марку в знак прощания.

Капитан Шефер вернулся в свой отдел. Осмотрев кабинет и найдя в нем одного только Тумана, он спросил:

– А где вторая?

– Капитан, так обед же. Я уже пообедал, так что снова вер-

нулся к работе, – он показал капитану на экран, на котором в тот же момент вылезло окно ошибки. – Простите, сейчас исправлю!

– Не торопись, а то совсем код попортишь, – он помолчал несколько секунд в нерешительности спросить. – Знает, Кама на обеде?

– Кама? Должна быть... Хотя я не помню, видел ли вообще ее сегодня. Если вспомнить, то я не видел ее уже несколько циклов, с того самого дня, как... Вы поняли какого.

Сердце Марка на мгновение остановилось. Он молча вышел из кабинета и, как только дверь за ним закрылась, побежал со всех ног к каюте Камы.

Вдали мерцали огни громадных космических тел. В окне иллюминатора они казались лишь пылинками, застарелой паутиной в углу потолка, обдаваемой новогодними огнями, но их размеры на самом деле превосходили не только Солнце, бывшее когда-то символом света для людей на корабле, но и всю его систему со всеми его планетами, кометами и астероидами целиком. Гигантские миры – как много они могли бы дать человечеству, если были бы пригодны для жизни! Но это лишь большие пустынные комки, обволакиваемые непроходимой металлической пылью и кислотой. Если забыть про эти нюансы и просто наслаждаться видами, то

зрелище оказывается на самом деле волшебным и умиротворяющим. Где-то там, в иных галактиках, скрывается Новый Дом. Старый потерян навсегда. Через несколько лет, а может, и десятилетий «Демократия-5» наткнется на красивую, полную флоры и фауны планету. Она будет напоминать Землю, в ней будет тот же воздух, те же горы и реки. Но бывших там людей уже не вернуть. Знания о прошлом, темные как пасмурная ночь, будут преследовать новых поселенцев, напоминая им о том, что они имели когда-то. Однако новые поколения разрастутся, заселят новый мир во всех его уголках и впадинах, и забудут про страшное прошлое Земли окончательно, неся с собой лишь добрую память уже далекой и мертвой планеты. Как же приятно грезить о светлом будущем! И как скорбно вспоминать утраченное. Еще многое предстоит испытать людям на корабле: любовь, смерть, вина, помешательство – но они точно с этим справятся, ведь они истово в это верят. Если ты искренне веришь во что-то, если ты на самом деле чего-то желаешь, то ты обретишь это. Главное не искать преград, не спотыкаться о собственную неуверенность – просто иди вперед, весело перепрыгивая ямы и восходя на вершины. Мир всегда такой, каким ты его видишь, и он будет сильно благодарен тебе, если будет знать, что ты уверен в его чистоте и справедливости.

Большой многонациональный корабль летел сквозь холодную ночь, надеясь обрести свою долгожданную остановку. На горизонте не было ни единого пристанища, но корабль

ждал и надеялся, что уже очень скоро он сможет остудить свои двигатели не химикатами и ужасным холодом безвременья, а ярким бушующим морем. Толстые стальные пластины обшивки уже много лет не испытывали на себе ярких солнечных дней. Корабль мечтал, что Новый Дом будет иметь два, а лучше три теплых солнца, чтобы вдоволь искупаться в их лучах. И для него будет большим счастьем, если в конце пути про него не забудут, не забросят как ненужный хлам, а приспособят под новые нужды, состроят из него новый город, где взрослые и дети будут весело проводить время и, глядя на поцарапанные астероидами стены, рассказывать друг другу невероятные истории о приключениях огромного ковчега-спасителя. Яркие солнца будут отражаться от него, а люди, стоящие за ослепленными окнами, будут дивиться этому великолепному чуду.

Глава 3

Вина

1

– Я нечасто испытываю чувство вины или оторванности, но когда вдруг возникает что-то такое, то я не могу справиться со своими эмоциями, – рассматривая фотографии, расклеенные по стенам уютной каюты, Кама вслух предавалась мыслям и воспоминаниям.

– С самого своего детства я ощущала, будто я не такая, другая; будто все мои чувства и мысли невозможно понять другим людям, что они не могут испытывать того же. Как показала жизнь – все-таки могут. Иногда они, случается, страдают от такого, чего я никак не могу понять, даже если когда-нибудь сама опущусь до похожего состояния. Наверное, в этом в повальном недопонимании друг друга проблема не только моя, но и остальных людей. Может, уже абсолютно весь экипаж все понял и смирился, и только я одна до сих пор корю себя за то, в чем моей вины даже не было... наверное.

– Я помню несколько моих самых тяжелых моментов в жизни, которые похожи на этот хотя бы отдаленно. Мое прошлое, в принципе, как и настоящее – череда неловких

моментов с взаимным недопониманием, постоянными трудными выборами и нескончаемой виной за то, в чем я сыграла роль лишь стороннего наблюдателя.

– В детстве я часто играла на улице с другими детьми. Как и все, я бегала, прыгала, общалась со всеми без разбора и проказничала. Иногда во время наших игр я оказывалась в центре внимания. Я имею в виду, если водить в догонялках – обязательно я первая, и почти всегда сразу же вторая, так как ребята постарше не признавали мое касание за полноценную передачу роли «воды» в следующем кону. То же самое с прятками и с любой другой игрой. Я никогда не понимала такого к себе отношения. Даже когда они мне объясняли, что моя маленькая девчачья ручка стоит только половины той ладони, которая должна их «засалить», я всегда возмущалась подобной несправедливости, особенно когда мальчик помладше, братишка одного из «старших», всегда считался полноценным игроком. Внутри меня часто возникало чувство, которое я смогла понять только став старше и начав ходить в школу. Я не считала этих детей друзьями, и очень редко мне на самом деле нравилось с ними играть, но либо я пребывала в одиночестве дома перед телевизором, либо с ними на детской площадке. В компании все-таки повеселее.

– В школе все было гораздо лучше, – Кама перестала разглядывать фотографии, подправила где-то отклеившийся скотч, и села на край своей расправленной койки. – Лучше,

но взамен той детской несправедливости появилось недопонимание среди ровесников. С самых ранних лет у меня был интерес к технике. Когда отец копался в гараже, я была рядом и подавала ему инструменты. Когда в гости приезжал двоюродный брат и привозил с собой свой компьютер, который он постоянно обновлял по последнему писку техномоды, я всегда сидела с ним, когда он занимался установкой новых железяк, или когда он неумело пытался набрать простенький программный код.

Кама улыбалась, зажмурилась и представляя все эти давно прошедшие дни, но, продолжив, ее лицо вновь стало удрученным.

– Так я увлеклась «неженским» занятием (даже по меркам середины XXI века). Именно поэтому, как я думаю, я и не смогла завести друзей в школе. Девочки меня сторонились, обзывали за спиной, иногда портили мои вещи. Мальчики не отставали в этом от одноклассниц (хотя во всем остальном они отставали лет на сто, мелкие уроды), и тоже иногда издевались надо мной. Они не хотели меня понять и отбивали всякое желание понять их. Как я считала тогда, как я считаю и сейчас, такие люди просто не способны идти на диалог, пока им кто-то не объяснит простых вещей. Я не жаловалась родителям, я не ходила к директору и учителям. Лишь пару раз сходила на консультацию к школьному психологу. В конце концов я поняла, что раз деваться мне некуда, раз я не хочу лишний раз беспокоить кого-то

из взрослых, то я просто переживу эти годы. Но переживу так, чтобы всегда и во всем быть выше их. Так я и попала в престижный колледж, а затем и сюда, на корабль.

– В высшем учебном заведении случилось то, за что до сих пор я испытываю свою глубочайшую вину. У нас был преподаватель, который чем-то не нравился руководству колледжа. Его постоянно лишали премии, нагружали задачами, ставили в организаторы на такие неблагоприятные мероприятия, от которых убытков и негатива было в разы больше, чем позитива. Хотела бы я сказать, что этот преподаватель в итоге все делал самым лучшим образом и всегда был на коне, но не получится. Бедный, он пытался справиться со своими основными должностными обязанностями и заняться дополнительными от руководства. Но, как итог, в один момент он просто выбился из сил, его энтузиазм иссяк, а вера в добро и человечность растворилась в воздухе. Он был на самом деле хорошим человеком, как и преподавателем, просто оказался среди не тех людей. В один момент, всех его студентов начали вызывать к директору. Преподавателя хотели уволить, при том очень неприятным способом, повесив на него неоднократные эпизоды сексуальных домогательств. Многие отказались содействовать такому преступлению, но некоторые все-таки согласились оклеветать человека в обмен на хорошие отметки в дипломе. Я была круглой отличницей на его курсе, поэтому директор решил, что мое заявление будет лежать наверху этой небольшой стопки лже-

свидетельств. Я отказывалась, сопротивлялась, пока на меня не написали приказ об отчислении. Я не знала, что и думать. Я знала, что этот ни в чем не повинный человек сейчас испытывает то же, что и я все свои юные годы. И я хотела это все закончить, хотела противостоять несправедливости, но я была слаба и совсем одна. Под давлением директора и осознанием того, что жизнь и учебу мне оплачивают родители (которых я не могла подвести своим отчислением), а также еще кучей всего, я сдалась и подписала бумаги. Через неделю этого преподавателя уже не было в стенах колледжа, – она тихо рыдала.

– Я не знаю, *что* случилось бы со мной, если бы ты меня тогда не нашел. Ты спас меня от самой себя. У меня нет других таких друзей, кроме тебя. Я тебе очень благодарна за все те разы, что ты защищал меня от постоянно возникающего чувства вины.

Девушка легла в кровать, положив голову на плечо слушающего исповедь мужчины. Его рука нежно обхватила ее талию, плотнее прижав к себе Каму. Большим и указательным пальцами другой руки он коснулся ее подбородка, приподнял голову к себе и поцеловал в пересохшие губы.

2

2071 год. Великобритания.

Юная красавица бежала, не оглядываясь. Упругие ветки

деревьев больно хлестали ее по животу и рукам, которыми она закрывала лицо. Вокруг, словно глубокий лес, раскинувшись старый зеленый парк, находившийся совсем неподалеку от технического университета, и рос он здесь еще задолго до появления первых факультетов и их деканов. Слезы туманили взгляд, так что девушка спотыкалась о выступающие из-под черной земли корни, не в силах заметить их заранее. Она упала на одно колено, больно содрав кожу, но вовремя ухватилась руками за протянутые к ней ветки и не прошла лицом по разбросанным осколкам стеклянных бутылок. Быстро встала и побежала дальше, но уже более осторожно.

Солнце еще не торопилось садиться. Небо было ярко-голубым, и у самого горизонта скапливались не грозвые, но массивные облака. Широкая река чуть дальше подножия высокого холма, на котором находилась Кама, поблескивала рябью в лучах дневного света. Длинный, перекинутый через водоем мост ульем гудел голосами автомобилей, спешащих за город и обратно. Ветер шелестел за спиной, ласкался в траве и разносил запахи цветущих растений.

Кама присела на старую скамейку, почти вплотную к которой подходила черная граница холодного костра. Она смотрела на неторопливое течение реки, на то, как солнечные блики ярко отражались от сверкающих капотов машин. Слезы уже перестали течь, но стискивающая боль в груди и судорога в горле еще не скоро перестанут быть свидетельством

глубоких переживаний.

В этот день она предала человека.

– Привет, – раздался голос молодого парня где-то из-за спины. – Ты здесь одна? Я могу присоединиться?

Кама обернулась и увидела добродушную улыбку. Неприятные чувства будто бы отступили на миг, но быстро вернулись и, наверное, даже сильнее. Она отвернулась к реке. Ей сейчас не до новых знакомств. Даже так – она сейчас вообще не воспринимает других людей.

– Мы же на одном курсе учимся? Точно! То-то, думаю, черты лица знакомые. – Девушка все не отвечала и даже не шевелилась. – Может, тебе помощь нужна?

– Нет! – вдруг выкрикнула она.

– Хорошо, хорошо! Но я все равно пришел чуть раньше, просто в кусты отходил. Так что я отсюда не уйду. Посижу, посмотрю с тобой на небо...

Быстрыми движениями парень уселся на свободный край скамейки рядом с Камой. На колени он поставил свою небольшую сумку, которая была явно забита сверх нормы.

Они сидели молча почти четверть часа. Кама все это время металась от эмоций: то ли грустить из-за проступка, то ли злиться из-за такого наглого соседа. В конце концов, он не мешал ей, так что обе ее негативные эмоции, сцепившись друг с другом, постепенно стихли, оставив место тяжелым мыслям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.